

— Угомонился?

Юэ Цзиньтань плотно прижал Цзин У плечом к стене, перекрыв ему путь к отступлению. Вторая рука мужчины уперлась в стену у самого лица Цзин У. Они стояли так близко, что их дыхание мгновенно смешалось, создавая двусмысленную, щекочущую нервы близость.

Цзин У послушно и кротко мотнул головой.

Однако уже в следующее мгновение он без малейшего зазрения совести резко вскинул колено, целясь Юэ Цзиньтаню прямо в пах.

Но удар снова оказался намертво заблокирован чужими бедрами.

Юэ Цзиньтань лишь холодно усмехнулся:

— Один раз у тебя вышло, думал повторить?

Еще в спальне Цзин У усыпил его бдительность обманным маневром и ощутимо приложил коленом пониже живота. Эту вспышку боли Юэ Цзиньтань забыть еще не успел.

Недолго думая, Цзин У резко выпростал руки и принялся нещадно щекотать противника под мышками.

— Ха-ха! — Юэ Цзиньтань выдавил короткий смешок, но тут же взял себя в руки. — Не угадал. Я не боюсь щекотки.

Цзин У попытался переключиться на его бока, но Юэ Цзиньтань ловко перехватил обе его кисти и прижал их к стене над головой юноши.

Теперь Цзин У был полностью обездвижен: запястья зафиксированы, одна нога намертво зажата чужими коленями.

Он оказался в полной власти Юэ Цзиньтаня — точно рыба на разделочной доске, покорно ожидающая, пока повар занесет над ней нож.

— Ну и что ты теперь предпримешь?

Цзин У вдруг капризно надул губы:

— Иди ко мне, детка, дай поцелую.

Юэ Цзиньтань чисто рефлекторно отпрянул, уклоняясь. Увидев довольную ухмылку на лице Цзин У, он тут же понял, что совершил ошибку.

Это мимолетное движение выдало его замешательство, и он снова уступил инициативу.

Решив исправить положение, он разжал хватку и, пока Цзин У разминал затекшие запястья, бесцеремонно ущипнул его за щеку.

— А кожа у тебя нежная.

Цзин У зашипел, потирая лицо. Юэ Цзиньтань определенно становился все смелее и явно начинал давать волю своим скрытым желаниям.

— Будешь и дальше пакостить — в следующий раз ущипну не за щеку, — Юэ Цзиньтань выразительно покосился пониже его спины.

У Цзин У внутри все невольно сжалось от внезапного предчувствия опасности.

— Идем, — Юэ Цзиньтань мгновенно переключился на рабочий лад, словно эта короткая интермедия никак не повлияла на его настрой.

Цзин У послушно последовал за ним.

Когда они толкнули пожарную дверь, Бай Лэюань позади них лишь разочарованно приоткрыл рот.

И это все?!

Вот так просто закончилось?!

Он уже мысленно настроился на зрелище, а они разошлись, даже не начав?!

— Чего застыл? Ждешь, когда тебе предложат продолжить род с местной нечистью? — бросил через плечо Цзин У, заставив телефонного призрака подавиться невысказанными словами.

Кто бы говорил о приличиях!

Сами увязались в такую захватывающую потасовку, а теперь свернули все на самом интересном месте. Ну и скука.

Бай Лэюань уныло поплелся следом, потеряв интерес ко всему вокруг.

Сейчас он чувствовал себя так, словно лучший друг с заговорщицким видом скинул ему ссылку на пикантное видео, пообещав безумную страсть между тремя распутными девицами и сотней горячих мужчин. Он дождался глубокой ночи, задернул шторы, принял душ, устроился поудобнее, кликнул по ссылке... а там оказалась старая добрая экранизация «Речных заводи».

Драки там, конечно, были яростными, да и пропорция мужчин и женщин примерно совпадала, вот только сюжет чертовски расходился с его ожиданиями.

Бай Лэюань сверлил взглядами спины идущих впереди мужчин, искренне не понимая, как столь многообещающая сцена так быстро превратилась в сугубо деловую прогулку.

"Может, они просто постеснялись из-за его присутствия?"

"Или у Юэ Цзиньтаня действительно проблемы по мужской части?"

Столько провокаций, и в итоге — полный ноль. Окажись на его месте сам Бай Лэюань, он бы давно воспользовался моментом и перешел от прижиманий к делу.

Юэ Цзиньтань даже не подозревал, какими нелестными подозрениями его осыпает спутник, и уж тем более не думал, что кто-то ставит под сомнение его мужскую силу.

Ступив в коридор, он мгновенно подобрался, сканируя взглядом окружение.

Если Цзин У видел этот коридор четвертого этажа уже во второй раз, то для Юэ Цзиньтаня все было в новинку.

Повсюду висели фотографии, стены коридора едва заметно шевелились, а тусклый темно-красный свет превращал пространство в затянувшийся кошмар.

Из приоткрытых дверей комнат за ними следили гигантские жуткие глазные яблоки. Казалось, они вот-вот выкатятся наружу и сожрут незваных гостей.

К счастью, монстры пока не спешили покидать свои укрытия. Они лишь пристально провожали троицу взглядами, синхронно поворачиваясь по мере их продвижения.

Зрелище было леденящим душу, но скрыться им все равно было негде, так что оставалось только идти напролом.

На стенах по-прежнему пестрели снимки самого Юй Хэшаня. Цзин У помнил, что их

расположение и сюжеты почти не изменились.

Черно-белые портреты крупным планом запечатлели самые разные эмоции: безумие, экстаз, меланхолию, ярость. Каждый кадр выглядел как посмертный снимок, сделанный в последнюю секунду чьей-то жизни.

Цзин У помнил, что настоящий Юй Хэшань прятался за одной из фотографий у самого входа — той, где был изображен старый фотоаппарат.

Он остановился у двери и потянулся к висящему на стене снимку.

Вдруг его взгляд застыл. Рука, тянувшаяся сорвать бумагу, замерла в воздухе, а сам он уставился на открывшийся под ней участок стены.

Бай Лэюань из любопытства сунул нос следом и тут же вскрикнул:

— Мамочки!

Юэ Цзиньтань, изучавший до этого противоположную стену, подошел ближе и при виде открывшейся картины слегка нахмурился.

Цзин У обнаружил странное несоответствие.

Раньше под верхним слоем снимков скрывались лишь другие фотографии. Теперь же там не было ни бумаги, ни привычной штукатурки.

Вместо этого на них смотрели бесчисленные глаза.

— Сколько же их тут...

Цзин У принялся лихорадочно срывать соседние фотографии с пола.

Когда бумага была убрана, перед ними предстала жуткая картина: весь пол был усеян плотно пригнанными друг к другу глазами.

И все они были закрыты.

Если бы не отчетливые ресницы, их можно было бы принять за причудливый узор из темных полумесяцев на напольной плитке или за следы какой-то химической коррозии.

Юэ Цзиньтань молча помог ему сорвать несколько снимков со стены — там оказалась точно такая же картина. Бесчисленные сомкнутые веки.

Цзин У погрузился в раздумья.

Во время его первого визита ничего подобного здесь не было. Стены и пол скрывали под собой лишь новые слои фотобумаги.

Чьи это глаза?

Они казались одновременно чужими и пугающе знакомыми.

Бай Лэюань из любопытства протянул палец и осторожно ткнул одно из закрытых век.

Под кожей прощупался твердый, выпуклый шарик. От легкого прикосновения глазное яблоко недовольно качнулось из стороны в сторону, словно пытаясь уйти от раздражителя.

Бай Лэюань тут же отдернул руку:

— Они живые!

Он со сдержанным достоинством достал из кармана пиджака белоснежный платок, тщательно вытер палец и вынес вердикт:

— Но холодные как лед. Явно не человеческие.

Цзин У принялся методично рассматривать глазницы одну за другой. Присмотревшись, он заметил различия.

Одни веки были с двойной складкой, другие — с одинарной.

У одних в уголках залегли мелкие морщинки, у других кожа была усыпана веснушками, у третьих под ресницами виднелась крошечная родинка.

Но все они без исключения оставались плотно закрытыми и медленно, лениво вращались под кожей, словно запертые в ловушке бесконечного, непробудного сна.

— Почему они закрыты? — недоумевал Цзин У.

Что это символизирует?

А гигантские глазные яблоки, подглядывающие из комнат? Те-то как раз были распахнуты настежь. Какая связь между ними?

Цзин У прошел коридор из конца в конец, фиксируя каждую деталь и краем глаза поглядывая на патрулирующих комнаты монстров.

В отличие от спящих глаз на стенах, огромные глазные яблоки в дверных проемах вызывали у него отчетливое чувство дежавю. Все они казались близнецами: одинаковая форма, двойное веко, один и тот же холодный блеск.

Нужно во что бы то ни стало пробраться внутрь комнат.

Цзин У был уверен, что разгадка кроется именно там.

Он покосился по сторонам. Юэ Цзиньтань и Бай Лэюань тоже времени не теряли, сосредоточенно изучая свои участки коридора.

Гигантские глаза в комнатах явно питали к незванным гостям особый интерес. Они бдительно следили за каждым их шагом, словно конвоиры за опасными преступниками.

— Посмотри на пол. Кажется, под этой фотографией глаза немного другие, — Цзин У носком туфли указал на один из снимков.

Тот лежал прямо у ног Юэ Цзиньтаня. Мужчина, не подозревая подвоха, послушно наклонился, чтобы сорвать бумагу.

В этот момент Цзин У скользнул мимо него, едва задев бедром. Едва он отстранился, как одна из фотографий в его руках бесследно исчезла.

Юэ Цзиньтань, собиравшийся изучить пол, резко выпрямился и уставился на юношу в упор:

— Ты только что лапнул меня за задницу.

— И в мыслях не было, — Цзин У соорудил максимально невинное лицо и тут же перевел взгляд на предвкушающего зрелище Бай Лэюаня. — Наверное, это Бай Лэюань шалит.

Бай Лэюань:

—...

Смотреть чужую драму всегда приятно, но становиться без вины виноватым — удовольствие

сомнительное.

Бай Лэюань деликатно кашлянул:

— Вообще-то, мужчины меня не интересуют.

Несмотря на мягкий тон, его взгляд красноречиво говорил: «Нас тут всего трое. Если это не я и не он, то кто, черт возьми, это сделал?»

К удивлению призрака, Юэ Цзиньтань лишь молча перевел взгляд с одного на другого. Затем, словно ничего не произошло, снова наклонился, сорвал снимок и продолжил изучать спящие под ним глаза. Раздувать скандал он не стал.

Бай Лэюань даже немного расстроился — такое шоу сорвалось.

Все трое вернулись к работе, погрузившись в поиски.

Спустя пару минут Цзин У резко обернулся и гневно воззрился на Юэ Цзиньтаня:

— Ты меня потрогал!

— Похож я на того, кто станет заниматься подобным? — Юэ Цзиньтань даже головы не повернул, продолжая методично перебирать сорванные снимки. — Должно быть, это опять Бай Лэюань.

Бай Лэюань мысленно взвыл: «Да за кого вы меня принимаете, сладкая парочка?! Сколько можно валить все на меня?!»

Но, присмотревшись к Юэ Цзиньтаню, он едва сдержал смех.

На мягком месте мужчины красовалась прилепленная черно-белая фотография.

Цзин У оказался мстительным малым.

В этом проклятом месте все было завалено портретами безумного фотографа, и вешать их на себя было явно не лучшей идеей.

Цзин У так натурально возмущался только для того, чтобы отвести от себя подозрения.

Впрочем, стоило Цзин У развернуться, как Бай Лэюань обнаружил, что на его собственной

заднице красуется точно такой же снимок.

На этот раз телефонный призрак не выдержал и откровенно прыснул, поспешно замаскировав смех сухим кашлем.

Эти двое стояли друг друга. Столько детского упрямства и мелких пакостей на фоне смертельной опасности — за такое зрелище не жалко и козлом отпущения побыть.

— Погляди-ка. Этот глаз никого тебе не напоминает? — Цзин У вдруг поманил Юэ Цзиньтаня рукой, указывая на очертания довольно крупного разреза глаз на полу.

— Действительно, похож, — первым откликнулся Бай Лэюань. Он присел на корточки, сравнивая рисунок на полу с лицом Юэ Цзиньтаня, и ткнул пальцем в уголок века. — Вот здесь, у переносицы, родинка.

У Юэ Цзиньтаня действительно была крошечная темная точка у правого глаза. Из-за высокого, прямого носа на нее часто падала тень, поэтому родинка редко бросалась в глаза.

— Да, это мой правый глаз, — подтвердил Юэ Цзиньтань. Он на секунду зажмурился, и сходство линий стало абсолютным.

Они принялись обыскивать коридор с удвоенной силой, но левого глаза Юэ Цзиньтаня так и не нашли. Соседние веки принадлежали совершенно незнакомым людям.

— Что все это значит? — Цзин У сделал несколько снимков пола на телефон, а затем бесцеремонно навел камеру прямо на лицо Юэ Цзиньтаня. — Намек на то, что все происходящее — лишь чей-то сон?

— Давай продолжим искать. Возможно, где-то здесь скрываются и твои глаза, — предложил Юэ Цзиньтань.

Они двинулись обратно по коридору, планомерно очищая пол от бумажного слоя.

Бай Лэюань плелся позади, тихонько посмеиваясь себе под нос.

Пока эти двое мирно беседовали, строя из себя идеальных напарников, количество снимков на их спинах стремительно росло. Каждый умудрялся незаметно клеить бумагу на партнера во время очередного маневра.

Коридор постепенно обнажался, и Бай Лэюань наконец не выдержал:

— Ох, надо же... Какая странность. Фотографий на полу становится все меньше и меньше.

Зато их спины теперь напоминали рекламные щиты.

Любовь и ненависть в одном флаконе — чертовски захватывающее зрелище!

Бай Лэюань по натуре был тем еще провокатором. Ему до безумия хотелось посмотреть, что произойдет, когда они наконец обнаружат взаимный подвох. Начнется ли жаркая потасовка прямо здесь?

— Ничего страшного. Без лишней бумаги искать глаза даже проще. К тому же стены мы еще не трогали, — Цзин У указал на дверь Номера 401 в самом конце коридора. — Слушай, Бай Лэюань, почему бы тебе не начать с того конца, а мы займемся этой стороной? Так дело пойдет быстрее.

А почему Цзин У не хотел разделяться с Юэ Цзиньтанем — исключительно ради того, чтобы удобнее было строить друг другу козни.

Бай Лэюань истолковал это именно так. Сгорая от предвкушения новой драмы, он охотно согласился и с улыбкой зашагал к лифту.

Стоило ему повернуться к ним спиной, как выяснилось, что он и сам облеплен фотографиями с головы до ног. Спина, поясница, бедра — живого места не осталось. Он выглядел как ходячая доска объявлений.

Ничего не подозревающий призрак бодро шагал вперед, пока Цзин У и Юэ Цзиньтань обменивались понимающими улыбками и мысленно давали друг другу «пять» за отличную командную работу.

За полуоткрытыми дверями глазные яблоки синхронно развернулись в сторону Бай Лэюаня. Их взгляд стал пугающе пристальным и голодным.

Стоило Бай Лэюаню сделать шаг в сторону, как огромные зрачки послушно следовали за ним.

Вскоре Цзин У обнаружил на полу свой собственный глаз. Отдельный левый глаз. Правого поблизости не оказалось.

Цзин У решил, что возиться с коридором больше нет смысла. Пора было проникать в номера.

Одного короткого взгляда хватило, чтобы Юэ Цзиньтань понял его намерение без слов. Цзин У выбрал Номер 407, расположенный у самого пожарного выхода. В случае непредвиденных осложнений отсюда было проще всего бежать.

Внезапно Юэ Цзиньтань резко атаковал дверь 407-го номера, веером выпустив веер четырехконечных сюрикенов.

Этот жест мгновенно активировал скрытую агрессию коридора. Сорванные фотографии взмыли в воздух, закружившись в яростном бумажном смерче, который устремился прямо на Юэ Цзиньтаня.

Глазные яблоки в дверных проемах мгновенно налились багровой кровью.

Юэ Цзиньтань хладнокровно уклонялся от атак, заставляя монстров терять терпение. Наконец, не выдержав, огромные глаза начали протискиваться сквозь дверные щели наружу.

Этого момента Цзин У и ждал. Он тенью скользнул внутрь открывшейся комнаты 407.

Прямо напротив входа располагалось окно, зашторенное плотной тканью. Шторы выглядели точно гигантская траурная рамка, с которой на комнату взирал огромный черно-белый портрет Юй Хэшаня.

Стоило Цзин У переступить порог, как погруженное в полумрак помещение начало оживать.

Экран старого телевизора с сухим треском вспыхнул. На нем замелькали слайды — бесконечные фотографии Юй Хэшаня. Однако стиль этих кадров разительно отличался от его привычных безумных работ.

Возможно, это были его ранние, еще ученические снимки, которых Цзин У никогда не видел.

Помня о том, что в комнате из-за обилия фото может материализоваться копия хозяина, Цзин У держался настороже, не сводя глаз с экрана.

Электронный альбом транслировал хронику жизни Юй Хэшаня. Многие кадры были старыми, пожелтевшими, с явными следами заломов и пятен времени, которые уже невозможно было отретушировать.

Вот маленький Юй Хэшань — пухлый, улыбчивый малыш на руках у родителей. Его отец был удивительно похож на сына, разве что носил окладистую бороду и забавную прическу по моде тех лет.

Слайд сменился. Юноша Юй Хэшань — открытый, сияющий улыбкой парень, обнимающий за плечи троих друзей. Потлатанной, но чистой одежде угадывался скромный достаток семьи.

Эти кадры делал не он сам. Он был лишь главным героем, чье взросление заботливо фиксировал объектив чужой камеры.

Семья, друзья, школьные годы.

Детская коляска, игры на ветвях старого дерева в парке, школьный двор... и вдруг — больничная палата и свежая могила.

Один из братьев Юй Хэшаня тяжело заболел и сгорел буквально за считанные недели. Мать не вынесла утраты, слегла и больше не поднялась. С этого момента радостные улыбки навсегда исчезли с лиц оставшихся членов семьи.

Вскоре с фотографий пропал и отец. Кадры стали более однообразными — теперь это были автопортреты, сделанные с помощью штатива или перед зеркалом.

Исчезла былая теплота и разнообразие сюжетов. Осталась лишь звенящая пустота.

Что же произошло дальше?

В этой комнате ответов не было. Цзин У быстро прикинул время и решил двигаться в следующий номер.

Едва он вышел в коридор, как увидел, что Юэ Цзиньтань с видимым изяществом водит на привязи разъяренные глазные яблоки, словно капризных болонок. Заметив Цзин У, мужчина лишь вопросительно приподнял бровь, давая понять, что долго удерживать их не станет.

Цзин У подал ему знак и резко рванулся в сторону Бай Ляюаня.

Тот стоял, буквально погребенный под ворохом налипших на него фотографий.

— О, ты уже вышел? — удивленно захлопал глазами призрак. — Как тебе удалось пробраться внутрь?

— Сейчас сам все поймешь, — лаконично отозвался Цзин У.

Он стремительно приблизился и с размаху пнул Бай Ляюаня в сторону приоткрытой двери, словно футбольный мяч в ворота.

— А-а-а! Да ты издеваешься! Это же верная смерть! — истошно завопил призрак, летя прямо в раскрытую пасть гигантского глаза.

Но в самый последний момент, когда до столкновения оставались считанные сантиметры, Цзин У резко дернул его назад.

— Ой... А когда ты успел привязать ко мне веревку? — тяжело дыша, спросил Бай Ляюань, обнаружив на своей талии знакомый белый бинт.

— Погоди, это же бинты того парня из пятого номера!

Цзин У неопределенно угукнул:

— Ну как, нравится ощущение полета?

— Нет! Не нравится! Отпусти меня! И откуда на мне вообще столько дурацких фоток?! Твоих рук дело?!

От резких рывков несколько снимков слетели с его спины, и Бай Ляюань наконец осознал масштаб катастрофы.

— Тебе определенно нравится. Давай еще разок, — с готовностью отозвался Цзин У и снова отправил призрака в полет к следующей двери.

— А-а-а-а!

Огромный глаз яростно уставился на летящее тело. Прямо посреди склеры, вопреки всяким законам анатомии, с влажным хрустом разверзлась пасть, усаженная острыми, как иглы, зубами.

Цзин У резко рванул бинт на себя, возвращая «воздушного змея», и тут же зашвырнул его в другую комнату.

По коридору эхом разносились вопли Бай Ляюаня, прерываемые глухими ударами его тела о твердые глазные яблоки.

Третий монстр, решив, что это очередная шутка, поначалу даже не отреагировал, за что и получил болезненный удар призрачной тушкой прямо в центр зрачка.

Глаз мгновенно налился багровой краской от лопнувших сосудов.

Цзин У снова дернул за бинт и запустил Бай Ляюаня в ту же цель.

— Бум!

Затем в следующую:

— Бум! Бум! Бум!

Не выдержав издевательств, гигантские глазные яблоки гурьбой вывалились в коридор.

Цзин У точным движением перекинул конец бинта Юэ Цзиньтаню, и тот подхватил эстафету, уводя за собой разъяренную толпу монстров. Сам же Цзин У оперативно шмыгнул в очередной номер.

Каждая секунда была на счету.

Он бегло осматривал комнаты, на ходу фиксируя все важные детали на камеру телефона, после чего мгновенно перебежал в следующую.

А в коридоре тем временем гремели отчаянные крики Бай Лэюаня:

— Почему всегда я?!

— За что вы меня убиваете?!

— Опять?! Ну сколько можно-то?!

Цзин У использовал телефонного призрака не просто так. Ему хотелось прощупать истинные возможности этого обитателя шестого этажа. Он не верил, что Бай Лэюань — обычный легкомысленный бабник, случайно оказавшийся здесь.

И сейчас перед его глазами наконец разворачивалась истина.

Глазные яблоки атаковали со всей свирепостью: кто-то пытался разорвать его зубами, кто-то изрыгал ядовитый кровавый туман, кто-то выпускал скользкие щупальца.

У Бай Лэюаня уже была свернута шея, грудь пробита насквозь, а голова и вовсе покатила по полу, но он продолжал оставаться невероятно активным.

Понятно, что он уже мертв и является призраком, но даже у нежити есть свои уязвимые места. У Бай Лэюаня же их словно не существовало вовсе.

Его отрубленная голова продолжала громко возмущаться прямо с пола, не пролив ни единой лишней капли крови.

Оторванные конечности сами собой ползли обратно к туловищу, безошибочно находя свои места, точно преданные собаки, возвращающиеся домой.

Да, статус жильца шестого этажа давался не за красивые глаза.

Он казался абсолютно неубиваемым, а скорость регенерации поражала воображение.

"В чем секрет? Неужели здоровый образ жизни дает такое бесконечное здоровье?"

"Или у бабников есть какой-то скрытый пассивный навык на продление жизни?"

Но ведь он уже мертв!

Цзин У не выдержал и крикнул из дверного проема:

— Бейте по третьей ноге!

Он всерьез подозревал, что слабое место этого ветреного господина кроется вовсе не в голове или сердце. Для такого любвеобильного мужчины самым ценным органом определенно являлось его мужское достоинство.

Бай Лэюань, чья голова как раз прирастал обратно к шее, испуганно завопил:

— Твою мать, ну ты и садист!

Убедившись, что призрак надежно отвлекает на себя все внимание монстров, Цзин У спокойно устроился в сторонке, наблюдая за шоу:

— Ты и при жизни был таким живучим?

— В смысле — неубиваемым? — Бай Лэюань как раз отбивался от навалившихся на него глазных яблок, которые буквально рвали его на части. Коридор снова оказался завален его конечностями, но крови по-прежнему не было. — Если бы я был таким крутым при жизни, с чего бы мне вообще помирать!

Призрак мечтательно вздохнул, увернувшись от очередного укуса:

— Должно быть, это мои бывшие пассии молятся за меня на том свете. Я всегда знал, что они меня любят!

Цзин У лишь сочувственно покачал головой.

"Ага, любят настолько, что готовы залюбить до смерти. Своеобразное проявление чувств,

ничего не скажешь."

— Ладно, раз уж ты такой способный, поработай еще немного на благо общества. Отвлеки их, а я спущусь на третий, — Цзин У решил, что узнал достаточно о Юй Хэшане, и пора закругляться.

Лежащая на полу оторванная рука Бай Ляюаня шустро приподнялась на пальцах и показала Цзин У аккуратный жест «ОК».

— Надо же, какой ты сегодня покладистый, — хмыкнул Цзин У, направляясь к лестнице.

— Если мы побыстрее отсюда не выберемся, отдуваться снова придется мне, — пропыхтел призрак. Его конечности медленно стягивались воедино, тут же снова разлетаясь от ударов. — И вообще, я уверен, что всю эту кашу заварили вы двое. Я здесь жил тихо-мирно, со всеми соседями ладил. А как вы появились — так за день по несколько раз умираю!

Призрак искренне раскаивался в своем любопытстве. Слишком уж дорого обходилось ему это зрелище.

Едва Цзин У приблизился к пожарной двери, как тут же резко отшатнулся назад.

— Там кто-то есть!

Створка медленно отворилась, и на пороге показалась молодая особа.

Та самая молчаливая девушка в очках из конференц-зала.

Цзин У плавно отступил на пару шагов, сохраняя безопасную дистанцию, и примирительно улыбнулся:

— Приветствую, красавица. Что ты здесь делаешь в одиночку? Тут небезопасно.

Девушка окинула его холодным, лишенным эмоций взглядом:

— И в чем же опасность?

— Ну, например, можно встретить призрака, — Цзин У неопределенно махнул рукой в сторону коридора. — Погляди, там как раз буянит один ужасно кошмарный монстр.

— Да неужели? И он страшнее меня? — девушка медленно сняла свои простые очки, открывая лицо.

Взглянув в ее глаза, Цзин У наконец понял, почему они показались ему такими знакомыми на полу коридора.

Без очков девушка оказалась точной, более юной женской копией Юй Хэшаня. И ее взгляд — глубокий, холодный — точь-в-точь повторял разрез глаз покойного фотографа.

Цзин У слишком хорошо запомнил те безумные снимки на четвертом этаже, которые едва не довели его до мигрени.

Да и сами очки показались ему знакомыми — точно такие же он видел на письменном столе в Номере 401.

— Если ты ищешь Юй Хэшаня, то ваши семейные разногласия меня не касаются.

— О нет, с отцом мы давно все уладили, — девушка покачала головой и привычным жестом водрузила очки обратно на переносицу. — Теперь пришло время разобраться с вами.

— Я не хочу, чтобы кто-то узнал о моем маленьком преступлении. А как известно, лучше всего секреты хранят мертвецы.

Атмосфера мгновенно накалилась.

Цзин У медленно пятился назад, девушка неотвратимо наступала.

Заметив его нерешительность, она довольно прищурилась:

— Постараюсь закончить быстро...

Едва она миновала пожарную дверь и ступила на территорию коридора, Цзин У, точно рассчитав траекторию, подал знак Юэ Цзиньтаню.

— Поберегись! — рявкнул Юэ Цзиньтань.

Цзин У, не оборачиваясь, рыбкой нырнул в ближайший открытый номер.

— Осторожно, глаза!

Юэ Цзиньтань, выждав идеальный момент, с разбегу пнул лежащую на полу голову Бай Лэюаня. Та, точно футбольный мяч после мастерского навеса, описала в воздухе безупречную дугу и полетела прямо в лицо нападавшей.

Девушка, сбита с толку предупреждением Юэ Цзиньтаня, решила, что на нее летит одно из гигантских глазных яблок. Она инстинктивно выставила руки и поймала снаряд, но, опустив взгляд, обнаружила в ладонях ухмыляющуюся мужскую физиономию.

Бай Лэюань, чья голова только что совершила головокружительный полет, придя в себя, ощутил лицом приятное тепло и нежный девичий аромат.

Он открыл глаза и уставился на бледное, застывшее лицо юной особы.

Осознав, где именно покоится его голова, он скользнул взглядом чуть ниже:

— Какая плоская...

Пальцы девушки мертвой хваткой впились в его шевелюру, готовые выдрать волосы с корнем.

Бай Лэюань тут же сориентировался:

— Но мне чертовски нравится!

Взгляд девушки заledenел:

— Сдохни!

— Какая страсть! Я покорен! — Бай Лэюань, казалось, пришел в полный восторг.

Она процедила сквозь зубы лишь одно слово:

— Кобель.

И с силой швырнула его голову в стену. Однако черепушка Бай Лэюаня, точно резиновый мячик, с громким стуком отскочила от бетона и преспокойно приземлилась обратно в ее объятия, после чего призрак разразился новой тирадой страстных признаний.

— Ну хорошо, я ветреный, согласен. Но ведь я искренен с каждой из моих девочек! Так что технически я не такой уж и мерзавец, — Бай Лэюань устроился поудобнее, преспокойно ерзая лицом по ее груди. — Красавица, давай познакомимся? Меня зовут Бай Лэюань, я продавец элитного алкоголя для дам. Мой рост — сто восемьдесят семь, вес — тридцать семь килограммов сверх сотни, длина — восемнадцать и семь сантиметров, а уж о выносливости...

— Пошел вон!

— Быстрее, уходим! Не стоит мешать влюбленным, за такое и схлопотать можно, — шепнул Цзин У Юэ Цзиньтаню, увлекая его к лестнице.

Этот шепот окончательно вывел девушку из себя:

— Вы никуда не уйдете! Сдохните оба!

Бай Лэюань тем временем продолжал восторженно возиться в ее руках:

— О да, заезди меня до смерти! Я только за!

— Бум!

В этот момент Цзин У окончательно признал в Бай Лэюане ценного кадра.

Исключительно за его феноменальную, непревзойденную наглость.

Как говорится, рыбак рыбака видит издалека.

Цзин У мысленно пожелал ему удачи: «Бай Лэюань, жми! Сделай ее своей тридцать восьмой девушкой!»

— Тридцать девятой! Тридцать восемь у меня уже есть! — донеслось из коридора, после чего последовал очередной сочный удар о стену.

С таким талантом заговаривать зубы и принимать удары он далеко пойдет.

Помня, что все глаза в номерах четвертого этажа — это копии этой самой девицы, а Бай Лэюань обладает феноменальной регенерацией, битва обещала быть долгой.

Интересно, кто кого пересилит: бесконечное копирование или абсолютное бессмертие?

— Жаль, нельзя запустить трансляцию, — с сожалением вздохнул Цзин У. — На тотализаторе мы бы заработали состояние.

— Организация азартных игр в сети преследуется по закону, — сухо напомнил ему Юэ Цзиньтань, возвращая мечтателя на землю.

— Сколько прекрасных бизнес-идей гибнет под гнетом кодексов, — притворно затужил Цзин У.

— В уголовном кодексе полно вариантов, можешь изучить на досуге, — парировал мужчина.

— Очень перспективная литература, — согласился Цзин У.

Они быстро спускались на третий этаж под аккомпанемент глухих ударов сверху, воплей и восторженных излияний телефонного призрака. Слушая это, можно было заподозрить, что на четвертом этаже открылся подпольный притон.

Цзин У мысленно сделал пометку на будущее: нужно будет урезать лексикон телефонного призрака, иначе отель рано или поздно прикроют за пропаганду непристойностей.

Впрочем, он уже вовсю планировал дальнейшую судьбу этого ценного сотрудника.

В его заведении без дела никто сидеть не будет. Все станут членами одной дружной рабочей семьи.

И раз уж Бай Лэюань продемонстрировал такую стрессоустойчивость и рвение, глупо держать его на банальном обзвоне и слежке. Его таланты найдут лучшее применение на должности старшего консьержа отеля.

— И все же, что именно ты обнаружил в комнатах четвертого этажа? — спросил Юэ Цзиньтань на ходу, пользуясь минутной передышкой.

— Печальную историю, — вздохнул Цзин У.

Каждый номер на этаже иллюстрировал определенный этап жизни фотографа Юй Хэшаня.

Детство, юность, первая любовь, свадьба, семейная жизнь и... финал.

В детстве его отец, ослепленный мечтой о славе, уехал на юг, оставив сыну лишь старый фотоаппарат. И больше никогда не возвращался.

С тех пор на снимках мальчика преобладали лица близких — матери, бабушки, дедушки. И на всех них лежала печать глубокой тоски и безнадёжности.

В юности Юй Хэшань тоже загорелся фотографией. Он не выпускал камеру из рук, фиксируя все подряд.

Затем на снимках появилась она — его единственная любовь.

Но дальше повествование шло уже от лица их дочери. Цзин У успел записать аудио со звуковой

дорожки электронного фотоальбома в последней комнате и теперь просто нажал кнопку воспроизведения на телефоне.

В холодном, мрачном пространстве лестничного пролета зазвучал тихий девичий голос, от которого мороз шел по коже.

"Я расскажу вам историю. Историю о непокорной дочери и ее трусливом отце"

"Когда-то давно у одного человека была скромная, но счастливая семья. Его собственный отец сбежал, мать угасла от болезней, но он встретил ту, что залечила его душевные раны"

"У них родились сын и дочь. Девочка росла послушной и отлично училась, а мальчик обожал машины и гонки"

Голос звучал мягко, почти нежно, но внезапно в нем прорезались ледяные нотки.

"Однажды приятель пригласил отца поснимать ралли. Сын выпросил поездку с собой. На трассе они были безумно счастливы. А на обратном пути отец позволил себе немного выпить с друзьями"

"И эта глупая рюмка лишила его реакции. Когда навстречу вылетел грузовик, он резко вывернул руль, врезавшись в ограждение. Спавший на заднем сиденье мальчик вылетел через лобовое стекло и погиб на месте"

Запись наполнилась тихими, надрывными рыданиями, продолжавшимися несколько минут. Наконец, справившись с эмоциями, девушка продолжила:

"После похорон отец погрузился в работу. Он брался за любые заказы, уверяя, что делает это ради семьи, но домой больше не возвращался. Он проигнорировал даже известие о смертельной болезни жены"

"Когда дочь осталась совсем одна, похоронив мать, ей пришлось повзрослеть за одну ночь"

"Она разузнала, где отец работает сейчас, и тайно отправилась за ним"

"Она выследила его на вершине холма. Он стоял на самом краю обрыва, увлеченно выцеливая в объектив редкую птицу. И в этот момент в душе девочки проснулся монстр"

"Как думаете, что она сделала?" — на записи раздался жутковатый, безумный смешок.

"Она просто подошла сзади и толкнула его"

Дальше голос звучал абсолютно ровно, лишенный каких-либо человеческих чувств, точно у робота:

"Отец так и умер, не узнав, чья рука отправила его в полет. Впрочем, это неважно"

"Он спокойно смотрел, как умирает ее мать. А она спокойно смотрела, как умирает он. Она не стала вызывать спасателей или звонить врачам"

"Она лишь подняла его камеру и запечатлела момент его гибели. А потом похоронила его рядом с мамой и братом. Теперь они наконец-то вместе. И больше никто никуда не сбежит"

Голос затих, сменившись ровным электронным шипением.

Цзин У извлек из кармана единственную вещь, которую прихватил с этажа, — старую семейную фотографию, где Юй Хэшань, его супруга и дети счастливо улыбались в объектив.

На обороте детским почерком было выведено:

"У меня самая лучшая семья. Добрая мама, милый братик и вечно улыбающийся папа"

Позже слово «улыбающийся» было небрежно зачеркнуто, а поверх помадой написано новое слово: «спящий».

Только мертвый, вечно спящий отец гарантированно останется дома и больше не бросит своих близких.

В этой неровной надписи Цзин У отчетливо слышал полный боли и обиды детский крик: «Трус!»

Никчемный, малодушный трус, умеющий только бежать от трудностей.

Отец Юй Хэшаня сбежал от нищеты, оставив больную жену и четверых голодных детей под предлогом заработков на юге.

Сам Юй Хэшань сбежал от разрушенного брака и ледяного молчания в доме.

Жена погрузилась в тяжелейшую депрессию после гибели сына, а чувство собственной вины за аварию душило его изнутри. И он не придумал ничего лучше, кроме как сбежать в мир фотографии, умчаться подальше от ответственности и семейного ада, растворившись в пейзажах и чужих лицах.

Фотография связала их с женой, фотография подарила им любовь, и она же в итоге сгубила Юй Хэшаня.

Но виновата ли в этом камера?

Конечно, нет.

Цзин У воздержался от комментариев.

Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Не зная всей глубины чужого горя, глупо строить из себя судью. Каким бы чудовищным ни был поступок девушки, не Цзин У выносить ей приговор.

Юэ Цзиньтань тоже промолчал.

Он лишь молча вернул Цзин У снимок, закрывая эту тему.

Он прекрасно понимал, что Цзин У сохранил эту фотографию не для себя. Она предназначалась одному конкретному призраку в этом отеле.

Рано или поздно Юй Хэшаню придется взглянуть правде в глаза. Он бегал от нее всю жизнь, бегал после смерти, но этот бег не может продолжаться вечно.

Вскоре они ступили на площадку третьего этажа.

— Сколько роз... Весьма неординарный вкус, — хмыкнул Юэ Цзиньтань, толкнув пожарную дверь.

Весь коридор был усыпан алыми лепестками, на которых отчетливо проступали темные пятна. Мужчина наклонился и коснулся одного из них пальцем — кровь.

Цзин У поднял голову и замер.

— А вот это уже интереснее.

Потолок был буквально забит черными воздушными шарами, с которых свисали длинные пряди волос.

Присмотревшись, они поняли, что это были человеческие головы, искусно превращенные в шары. Их веки были плотно сомкнуты, лица выражали абсолютное умиротворение, а из оснований шей на пол лениво капала сукровица и темная влага.

Лицо жертвы было им обоим прекрасно знакомо — это была бедняжка Бай Люянь, новая сотрудница их стойки регистрации.

Стоило живым людям ступить в коридор, как черные шары мгновенно отреагировали. Веки распахнулись, и десятки пар глаз сфокусировались на незваных гостях. Никакого дружелюбия в них не было — только концентрированная жажда крови.

Хозяином третьего этажа был тот самый дядя с теплым чаем, Цзян Вэй. На вид — добродушный толстяк, но его намерение уничтожить их было осязаемым и тяжелым.

— Ты когда-нибудь стрелял в тире? — внезапно спросил Цзин У, с интересом разглядывая жуткие шары-головы. В его глазах загорелся азартный огонек. — Ну, как на уличных ярмарках, где за лопнувшие шарики дают дурацкие призы.

— Не доводилось, — Юэ Цзиньтань уже догадывался, к чему клонит его спутник.

Он окинул взглядом плотный ковер из голов над ними и мысленно выразил соболезнования хозяину этажа.

— Тогда как насчет небольшого пари? — предложил Цзин У.

Сочувствие сочувствием, но мужское соперничество никто не отменял.

Юэ Цзиньтань мгновенно отбросил жалость к монстрам и извлек из карманов горсть разнообразных четырехконечных сюрикенов, протянув половину Цзин У:

— Раунд из десяти бросков. Кто больше собьет, тот и победил.

— Идет. Проигравший целый месяц драит все унитаза в отеле.

— А победитель?

— А победитель на месяц становится полноправным боссом заведения.

— Согласен!

Хотя постойте... Отель ведь и так принадлежит Цзин У. Какая выгода Юэ Цзиньтаню?

Юэ Цзиньтань на секунду нахмурился, заподозрив очередной подвох.

— Ну, став боссом, ты сможешь лично контролировать, как я драю туалеты, — с самым невинным видом подсказал Цзин У.

Конечно, он предпочел умолчать о том, что сантехника в его отеле обладает функцией самоочищения, и ему даже пальцем шевелить не придется.

А вот если проиграет Юэ Цзиньтань...

Юэ Цзиньтань внезапно улыбнулся.

— Отличный план.

Отель-то принадлежит Цзин У, но вот подчиненные ему призраки — совсем другое дело. Уж их-то Юэ Цзиньтань сможет припрячь к работе без всяких проблем. Пара крепких затрещин — и любая нежить станет образцовым уборщиком.

К тому же в его собственной организации полно народу. Разве они не справятся с парой унитазов?

Юэ Цзиньтань довольно усмехнулся про себя.

В крайнем случае, он просто пригонит весь свой отряд пользоваться местными удобствами!

<http://bllate.org/book/20146/2166977>